

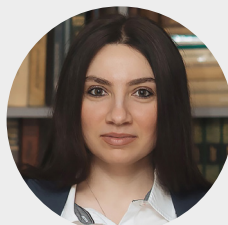
Субличность Демон в терапии последствий насилия: влияние травмы на контакт и перенос

Лилия Геннадьевна
ЛУКЬЯНОВА

Психолог, практикующий в модальности транзактивного анализа, арт-терапевт; частная практика; Санкт-Петербург, Россия;

lilia0606@mail.ru; [@psy_art_liliya](https://www.instagram.com/psy_art_liliya);

ORCID: 0009-0002-8526-957X; ResearcherID: IVU-6704-2023

Lilia Gennadievna
LUKIANOVA

Psychologist, practicing in Transactional Analysis modality; art therapist; private practice; Saint Petersburg, Russia;

lilia0606@mail.ru; [@psy_art_liliya](https://www.instagram.com/psy_art_liliya);

ORCID: 0009-0002-8526-957X; ResearcherID: IVU-6704-2023

Subpersonality Demon in the therapy of the consequences of violence: the influence of trauma on contact and transference

Аннотация. Феномен самосаботажа и нарушения терапевтического контакта остается значимой проблемой в психотерапевтической практике. Целью данного исследования является анализ проявлений внутренней части, обозначаемой клиентами как Демон, и уточнение механизмов ее функционирования в терапевтическом процессе. Материалом исследования послужили клинические наблюдения из практики индивидуальной психотерапии с женщинами, имеющими в своем сценарии опыт физического насилия. Во всех случаях в процессе терапии проявлялась внутренняя часть, которую клиенты обозначали как «демон», «монстр» и т. п. В результате анализа было показано, что Демон проявляется через агрессию, обесценивание, отвержение и стремление разрушить терапевтический контакт, при этом может выполнять адаптивную функцию, защищая психику от повторного переживания уязвимости и боли. На основе теории транзактивного анализа предложена авторская концепция, описывающая данный феномен как внутренний диалог эго-состояний — взаимодействие Дьявола (Ребенок в Родителе) и Демона (Ребенок в Ребенке). Обращение к теории транзактивного анализа в том числе позволило рассматривать этот феномен как проявление сценарной динамики, связанной с приказанием «Не живи». Научная новизна работы заключается в предложении модели «диалог Дьявола и Демона», позволяющей уточнить механизмы активации данной части личности и ее роль в воспроизведении сценарных реакций. Представленная модель рассматривается как рабочая гипотеза.

Ключевые слова: Демон, травма насилия, перенос, контрперенос, сценарный аппарат, динамика сценария, внутренний диалог, кошмар, монстр, дьявол, приказание «Не живи»

Abstract. The phenomenon of self-sabotage and disruption of the therapeutic alliance remains a significant issue in psychotherapeutic practice. The aim of this study is to analyze the manifestations of an internal part identified by clients as the Demon and to clarify the mechanisms of its functioning within the therapeutic process. The material of the study is based on clinical observations from individual psychotherapy with women who have a history of physical abuse within their life script. In all cases, an internal part emerged during therapy, which clients referred to as a “demon,” “monster,” or similar. The analysis demonstrated that the Demon manifests through aggression, devaluation, rejection, and attempts to disrupt the therapeutic relationship, while also potentially serving an adaptive function by protecting the client’s psyche from re-experiencing vulnerability and emotional pain. Based on the theory of transactional analysis, the author proposes a conceptual model that understands this phenomenon as an internal dialogue between ego states — an interaction between the Devil (Child in the Parent) and the Demon (Child in the Child). Drawing on transactional analysis theory, this phenomenon can also be conceptualized as an expression of script dynamics, particularly associated with the injunction “Don’t exist.” The scientific novelty of the study lies in the proposed model of the “Devil-Demon dialogue,” which allows for a more precise understanding of the mechanisms underlying the activation of this part of the personality and its role in the reproduction of script-driven reactions in therapy. The model is presented as a working hypothesis.

Keywords: Demon, violence trauma, transference, countertransference, script apparatus, script dynamics, internal dialogue, nightmare, monster, devil, Don’t Live injunction

В психотерапевтической практике нередко наблюдается феномен, при котором в момент приближения клиента к значимым изменениям возникает импульс, разрушающий достигнутый прогресс: клиенты прерывают терапию, обесценивают значимость отношений или возвращаются к прежним деструктивным паттернам.

В транзактном анализе Эрик Берн (2018) описывал подобную динамику через метафору демона¹ как импульсивной части, способной вмешиваться в процесс изменений и нарушать терапевтический план. Клиническая значимость этой метафоры стала очевидной для автора в ходе работы с клиенткой, которая сама обозначила подобное внутреннее переживание как Демон — часть, которая сопровождается интенсивной яростью и стремлением разрушать значимые отношения, включая терапевтический контакт.

Анализ данного эпизода и ряда сходных показал, что подобная динамика может носить устойчивый характер и требовать дополнительного теоретического осмысления, поскольку в современной литературе транзактного анализа концепция Демона остается недостаточно разработанной с точки зрения ее структурного и клинического понимания.

Целью настоящей статьи является концептуализация феномена Демона в психотерапии и уточнение механизмов его активации в структурной модели эго-состояний. Материалом исследования послужили клинические наблюдения автора в практике индивидуальной психотерапии (длительная работа с клиентами, имеющими опыт травматических переживаний, включая физическое насилие). Методологическую основу составляет качественный клинический анализ с опорой на теоретические положения транзактного анализа и сопоставление с современными психотерапевтическими подходами.

1. Демон в транзактном анализе и других психотерапевтических подходах

1.1. Демон в сценарном аппарате Эрика Берна

В книге «Игры, в которые играют люди» Эрик Берн использует метафору демона для описания импульсивной силы, способной вмешиваться в процесс изменений и нарушать терапевтический план. В рамках сценарного аппарата, системы элементов, формирующих жизненный сценарий, Демон определяется как арха-

ичный импульс Ребенка в Ребенке (Берн, 2018). Берн (2018) выделяет ключевые механизмы сценария — финал (проклятие), предписание и провокацию («толчок»), формирующиеся преимущественно в раннем детстве. В этой системе Демон выступает как внутренняя сила Ребенка в Ребенке, обеспечивающая реализацию сценария: если предписание ограничивает, а толчок провоцирует, то Демон придает поведению импульсивную динамику. Он возникает как ответ на провокацию и взаимодействует с Демоном в Родителе, который может быть соотнесен с Ребенком в Родителе — источником провоцирующих посланий. Таким образом, проигрывание сценария описывается Берном как динамическое взаимодействие эго-состояний, где Демон представляет не только метафору самосаботажа, но и специфическую психическую энергию, сопровождающуюся импульсивностью и аффективной разрядкой.

1.2. Развитие концепции Демона в транзактном анализе и смежных подходах

В современном транзактном анализе концепция Демона получила развитие в работах Микеле Новеллино, который рассматривает ее в контексте интерсубъективного подхода. Если опираться на понятие «небрежность» (sloppiness), разработанное в рамках реляционного психоанализа, терапия понимается как нелинейный, совместно создаваемый процесс, включающий ошибки, разрывы и их последующую репарацию. В этом контексте Демон может рассматриваться не только как деструктивная сила, но и как проявление непредсказуемости интерсубъективного поля, указывающее на активизацию бессознательных процессов переноса и контрпереноса (Novellino, 2017).

Дальнейшее развитие концепция получила в работах Тони Вайта, который рассматривает Демона как субличную структуру. Под субличностью в современной психотерапии понимается относительно автономная часть личности, обладающая собственной аффективной, когнитивной и поведенческой организацией (Rowan, 1990). В отличие от Берна, описывавшего Демона как импульс, Вайт описывает субличность Демона как часть, присутствие которой может свидетельствовать о более глубоком не-невротическом уровне личностной организации, включая расстройства личности. В этом контексте Демон понимается как внутренняя структура, поддерживающая сценарные тупики третьей степени (Вайт, 2018).

Сходные феномены описываются и в других психотерапевтических направлениях. В психоанализе Зигмунд Фрейд соотносил импульсивные и деструктивные тенденции с функциями Ид и феноменом повторения травматического опыта (Фрейд, 1992), Мелани Кляйн — с внутренними преследующими объектами (Кляйн, 1997). В аналитической психологии Карла Юнга близким по содержанию является архетип Тени, включаю-

¹ Далее в тексте термины «Дьявол» и «Демон» будут использоваться с прописной буквы как обозначение особой динамики внутри структуры эго-состояний и со строчной буквы как обозначение архетипа. — *Примеч. авт.*

ший отвергаемые аспекты личности, проявляющиеся в том числе в аффектах и сновидениях (Юнг, 2007). В схема-терапии подобные процессы описываются через взаимодействие модусов «Карающий Родитель» и «Злой Ребенок», когда базовые потребности (безопасность, принятие) не были удовлетворены и уязвимая часть защищается яростью, криком или упрямством (Янг, Клоско, Вайшаар, 2018). В модели внутренних семейных систем (IFS, BCC) они соотносятся с защитными частями, в частности импульсивными «пожарными» — субличностью, которые «тушат» эмоциональную боль, возникающую при прорыве «изгнанников» (травмированных частей), используя экстремальные методы — гнев, самоповреждение, зависимость (Шварц, 2020). Таким образом, в различных психотерапевтических подходах описывается сходная динамика взаимодействия провоцирующих и реактивных психических сил, проявляющаяся в форме самосаботажа, аффективных вспышек и нарушения контакта. При этом важно отметить, что в клинической практике данные процессы переживаются не только как абстрактные структуры или функции, но и как субъективно ощутимые внутренние образы, нередко наделенные яркими, почти персонифицированными характеристиками.

Именно эта образная форма переживания внутренних конфликтов открывает возможность их осмысления через архетипические категории. В этом контексте метафора демона, предложенная Эриком Берном, может быть рассмотрена не только как теоретическая конструкция, но и как выражение более глубокого символического слоя психики. Это позволяет перейти к анализу архетипических образов демона и дьявола, которые могут служить дополнительным инструментом для понимания внутренней динамики, описанной в рамках транзактного анализа.

2. Дьявол и демон: тень и образ монстра в психике

2.1. Архетип «демон»

Понятие архетипа было введено Карлом Юнгом и определяется как универсальная, врожденная структура психики, представляющая собой первичные образы и паттерны переживания, проявляющиеся в мифах, сновидениях и фантазиях (Юнг, 2007). Архетипы не даны в готовом содержании, но организуют способ переживания и символизации внутреннего опыта.

На наш взгляд, Эрик Берн, вводя метафору демона, опирался на ее архетипическое содержание. Описывая Демона как «джокера» в жизни и психотерапии, он фактически соотносит его с фигурой трикстера — персонажа, нарушающего порядок и вносящего элемент непредсказуемости. В аналитической психологии трикстер рассматривается как архетипическая фигура, сочетающая разрушительное и творческое начало (Юнг, 2007).

В этом смысле Демон может быть понят как символическая репрезентация архаичной энергии Ребенка в Ребенке — импульсивной силы, способной как разрушать устойчивые структуры, так и инициировать психические изменения. Подобные образы имеют глубокие мифологические корни. В различных культурах демоны, чудовища и преследующие существа символизируют аспекты психики, переживаемые как опасные или неприемлемые.

Одной из наиболее выраженных форм проявления этих образов являются кошмары. Само слово «кошмар» происходит от французского *cauchemar*, где *mare* восходит к германским представлениям о ночном демоне, «садящемся» на грудь спящего и вызывающем чувство ужаса и паралича (Jones, 1931). Таким образом, уже на уровне языка кошмар связан с образом преследующего демонического существа. С психодинамической точки зрения такие образы могут рассматриваться как символическое выражение неинтегрированных аффектов и вытесненных переживаний. Именно поэтому кошмары имеют особую ценность в понимании феномена Демона, поскольку обеспечивают образный доступ к внутренним процессам, остающимся малоосознаваемыми в бодрствующем состоянии.

В этом контексте становится возможным различие образов демона и дьявола. Если Демон в берновской модели связан с импульсивной, аффективной энергией Ребенка в Ребенке, то фигура дьявола в культурной традиции чаще соотносится с провокацией, искушением и стратегическим воздействием. Данное различие представляется значимым для дальнейшего анализа внутренней динамики, рассматриваемой в настоящей статье.

2.2. Архетип «дьявол» и его отличие от архетипа «демон»

Различие между архетипическими образами дьявола и демона имеет значение как в культурной традиции, так и в психологическом понимании внутренних конфликтов. В мифологических и религиозных системах дьявол чаще представлен как иерархически более высокая фигура, обладающая властью, намерением и стратегией воздействия, тогда как демоны описываются как множественные, более хаотичные и импульсивные силы, нередко подчиненные этой фигуре (Russell, 1984).

В культурных нарративах дьявол действует через искушение и своего рода «контракт», то есть предложения, от которого сложно отказаться². Его поведение носит расчетливый и инструментальный характер: он

² Предлагается провести аналогию с выражением «сделка с дьяволом» как формой заключения пагубного договора, при котором человек жертвует своей душой, моралью или принципами ради получения земных благ: богатства, славы, власти или любви. Это часто символизирует предательство самого себя и необратимую потерю. — *Примеч. авт.*

стремится не к немедленному разрушению, а к подчинению и использованию. В этом смысле он может быть рассмотрен как фигура структурированного воздействия, реализующегося через правила, запреты и провокацию.

Демон, напротив, связан с хаотической и аффективной энергией. Он не столько планирует, сколько реагирует: если дьявол провоцирует, то демон отвечает вспышкой аффекта, импульсивным действием и разрушением. В психологическом смысле демон может символизировать архаичную силу, возникающую в ответ на давление или угрозу, выступая формой сопротивления и защиты.

С точки зрения психической организации данные образы могут быть соотнесены с различными уровнями: Дьявол — с интроецированным Родителем как источником давления и провокации; Демон — с архаичной энергией Ребенка, возникающей как реакция на это давление.

Таблица 1. Сравнительный анализ архетипических образов дьявола и демона

Дьявол	Демон
Высшая фигура зла	Сверхъестественное злое существо
Может обозначать Сатану — главного противника Бога	Может обозначать подчиненных духов или слуг дьявола
Имеет конкретное религиозное значение	Встречается в различных культурах и религиях
Считается более могущественной и стратегической фигурой зла	Рассматривается как более низкий или хаотичный уровень демонических сил
Образы: Люцифер, Лекс Лютор	Образы: Джокер, трикстер

Примечательно, что Эрик Берн использует именно метафору демона. Вероятно, это связано с возможностью описывать внутренний импульс и психическую энергию внутри структуры эго-состояний, избегая моральной категоризации. В то же время метафора дьявола представляется значимой и может быть использована для обозначения провоцирующей динамики, соотносимой со структурой Родителя как более властной инстанцией по отношению к Демону. К анализу их взаимодействия мы обратимся в следующей части статьи.

3. Диалог Дьявола и Демона: авторская концепция

3.1. Внутренний диалог Дьявола и Демона

Как отмечалось выше, Эрик Берн описывал два проявления Демона — в Родителе и в Ребенке. Использование одной метафоры для разных динамик, вероятно, связано с гуманистической позицией транзактного анализа («Я ОК — Ты ОК»), в рамках которой психотерапия не сводится к борьбе с «внутренним злом».

Вместе с тем, по нашему предположению, функция Демона в Родителе, описанная Берном, метафо-

рически ближе к фигуре Дьявола — провоцирующей и подталкивающей силы. В связи с этим мы предлагаем использовать образ Дьявола как дополнительную метафору для описания внутренней динамики. Ниже представлены клинические эпизоды, иллюстрирующие подобный диалог.

Клинический эпизод 1: Мария³

При обсуждении повышения стоимости терапии клиентка Мария выражала опасение быть использованной терапевтом. Одновременно она переживала страх зависимости и последующей брошенности, опасаясь в будущем столкнуться с ростом стоимости терапии и невозможностью ее оплачивать. В состоянии аффекта клиентка заявила о намерении прекратить работу.

Внутренний диалог

Дьявол (Родитель): «Ты крутая! И ты круто справляешься со всем сама, ха-ха!»

Демон (Ребенок): «Точно! Я могу справиться без помощи и ни в ком [в данном случае в терапевте] не нуждаюсь».

Поведенческое проявление

Данная динамика проявлялась в стремлении прервать терапию, уличить терапевта в использовании и избежать углубления терапевтических отношений, подтверждая сценарный паттерн, связанный с предписанием «Не будь близким».

Субъективное описание клиента

В процессе обсуждения Мария отметила, что на самом деле не хочет завершать терапию, и описала внутреннее переживание, которое сама обозначила как Демона — часть, находящуюся в постоянной ярости и побуждающую разрушать значимые отношения, включая терапию: «Он похож на Венома [рис. 1]. Он не доверяет терапевтам. Большое, черное, сильное, с когтями. Когда внутренне замечала эту часть, видела, что она сидит в железной клетке с прутьями, сидит в темноте. Он мог вытянуть лапу из клетки и начать говорить; он меня пугал, и мне страшно было подойти».

Рисунок 1. Веном — Демон клиентки Марии
Источник: <https://kion.ru/film/venom>

³ Здесь и далее все имена клиентов изменены в целях конфиденциальности. — *Примеч. авт.*

Лилия Геннадьевна ЛУКЬЯНОВА

Субличность Демон в терапии последствий насилия: влияние травмы на контакт и перенос

На последующих сессиях клиентка описывала развитие контакта с этой частью: «Клетка открылась, он вышел, я начала диалог с ним. Я решила, что это моя часть, он меня защищает. Он вышел из клетки, я обращалась к нему, но клетка была открыта; потом заглядываю в клетку, а клетка пустая. Он находится в помещении, где и клетка, он передвигается по стенам помещения».

Дополнительные образы

Позднее энергия Дьявола, которую мы обнаружили в процессе обсуждения внутреннего диалога Марии с Демоном, описывалась как «шланг-присоска ко лбу», который «высасывает силы», вызывая ощущение истощения.

Мария отмечала, что данная динамика переживается как взаимодействие Родителя и Ребенка, где Родитель, «зараженный» энергией Дьявола, соблазняет Ребенка обещанием результата в обмен на какое-либо действие. Результат в итоге не достигался, и оставалось чувство неудовлетворенности, использованности и утраты жизненных сил. Демона в Ребенке клиентка описывала как ту часть, которая выработалась в ответ на защиту от Дьявола. В Демоне много ярости, но «благодаря этой ярости я могу себя защитить». Исследовательская терапевтическая работа с данной динамикой продолжается.

Клинический эпизод 2: Анна

Анна обратилась в терапию с запросом на профессиональную реализацию и поиск источника дохода. Терапия неоднократно прерывалась ею досрочно, однако, сталкиваясь с повторяющимся состоянием выгорания и отсутствием результата, клиентка возвращалась в работу. В процессе терапии была достигнута договоренность о предварительном обсуждении намерения завершить терапию, что позволило Анне сохранить контакт. При этом ее запрос все еще носил грандиозный характер: она стремилась не только к самореализации, но и к достижению исключительного успеха.

Внутренний диалог

Дьявол (Родитель): «Ты станешь великой, ха-ха! Нужно потерпеть, и ты к этому придешь — потом будет идеально, ха-ха!»

Демон (Ребенок): «О да! У меня грандиозные планы, и они еще узнают обо мне».

Поведенческое проявление

Данная динамика приводила к воспроизведению сценарного круга: стремлению доказать собственную значимость при отсутствии реальных изменений и сохранении чувства «никчемности», а также усиливала недоверие к терапевту.

Субъективное описание клиента

Анна описывала Дьявола как Старуху Шапокляк (рис. 2), а Демона — как стаю птиц, «которые летают и гадят».

Рисунок 2. Старуха Шапокляк — образ Дьявола клиентки Анны

Описание голоса Дьявола: «Его интересует только результат и успех. Он обещает, что я выиграю, но я никогда не получаю того, что хочу. Этот голос вкрадчивый, средней тональности, спокойный, не мужской и не женский, мудрый, соблазнительный. Он может быть высокомерным к другим, видеть и подмечать неидеальность других, ставить себя выше других: „Посмотри, он смотрит сериал, а не делает что-то, поэтому у него не получается, а ты сможешь, ха-ха“». Он использует других и меня, он соблазняет меня, обещая мне награду и поощряя меня, а на самом деле ставит эксперименты надо мной, как над лабораторной крысой. Ребенок ему верит — это же Родитель — и начинает подчиняться, угождать, делать так, как он советует. Когда Ребенок устает, его хвалят и награждают из этого голоса. Он покорно трудится. Этот голос пробуждает много возбуждения и хаоса в Ребенке».

Терапевтическая динамика

После идентификации данного голоса Анна выразила желание снизить его влияние, отметив, что «сливается» с ним и теряет контакт со своими подлинными желаниями. Это привело к формированию нового исследовательского контракта, направленного на развитие автономии и дифференциацию внутренних частей.

Клинический эпизод 3: Валерия

Клиентка Валерия выполнила задание по изображению Демона и принесла рисунок на сессию. Однако до обсуждения этого материала терапевт подняла организационные вопросы терапии: регулярные задержки оплаты, путаницу со временем сессий, а также нарушение конфиденциальности — клиентка выбирала пространства, в которых терапия могла быть прервана посторонними. Обсуждение административных аспектов вызвало у Валерии вспышку ярости и обвинения в адрес терапевта. Примечательно, что это происходило на сессии, где был представлен образ Демона. Игнорирование этой темы усилило напряжение, а терапевт в переносе стал восприниматься как провоцирующая и обесценивающая фигура. Клиентка также настаивала на невозможности изменений со своей стороны, подчеркивая, что «она и так уже прилагает немало усилий, чтобы прийти на сессию».

Внутренний диалог

Дьявол: «Докажи, что ты справляешься, ха-ха!»

Демон: «Посмотри, у меня действительно и так получается, даже если при этом я испытываю мучение».

Поведенческое проявление

Данная динамика проявлялась в сопротивлении изменениям, отрицании собственной ответственности за организацию терапевтического процесса и усилении конфликта с терапевтом, что сопровождалось выраженной аффективной реакцией.

Субъективное описание клиента

Своего Демона Валерия описывала как состояние интенсивной ярости с импульсом к агрессии. Клиентка вспомнила повторяющийся детский кошмар: «Когда мне было пару лет, мне снился один и тот же сон. Мы оказывались на какой-то планете, где был свирепый монстр, который искал меня. Я пряталась за камнями, а он в ярости ходил по кругу. Я боялась, что однажды он найдет меня. А потом я выросла и как будто сама стала этим монстром». Этот образ был визуализирован как массивная фигура, словно «собранная» из камней и движущаяся по кругу в состоянии ярости (рис. 3, 4).

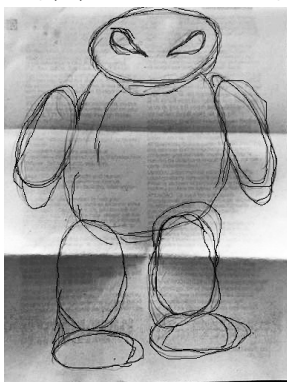

Рисунок 3. Монстр — образ Демона клиентки Валерии

Рисунок 4. Монстр — образ Демона клиентки Валерии (создан с помощью ИИ)

Интерпретация динамики

Переход от внешнего преследующего объекта к внутренне переживаемой силе может рассматриваться как символическое присвоение ранее вытесненного аффекта и опыта насилия в истории клиентки.

Анализ клинических наблюдений

Во всех случаях наблюдался интенсивный аффект (прежде всего ярость), сопровождающийся недоверием и страхом быть использованной. Перенос может разворачиваться через проекцию: терапевт переживается как Дьявол, провоцирующий внутреннего Демона. В ответ активируется стремление доказать автономию, даже ценой разрушения контакта.

Таким образом, Дьявол может рассматриваться как провоцирующая инстанция в структуре Родителя, активирующая Демона в Ребенке Ребенка. Последний, стремясь подтвердить свою силу и активируя Демона в Ребенке, воспроизводит сценарные реакции: клиент может особенно стараться, чтобы удовлетворить голос Родителя (Дьявола), что ведет к истощению ресурсов, переживанию терапии или чего бы то ни было как неэффективного. Эта динамика соотносима с мифологическим мотивом «сделка с Дьяволом»: попытка сохранить контроль и автономию приводит к усилению разрушительного сценария, связанного, в частности, с истощением и приказанием «Не живи».

3.2. Схематическое представление динамики внутреннего диалога Дьявола с Демоном

Опираясь на теоретические положения, а также на клинические наблюдения автора, в данной статье предлагается авторская модель, позволяющая более наглядно описать динамику взаимодействия. Эта модель представлена в виде схемы диалога Дьявола и Демона в структуре эго-состояний второго порядка (рис. 5).

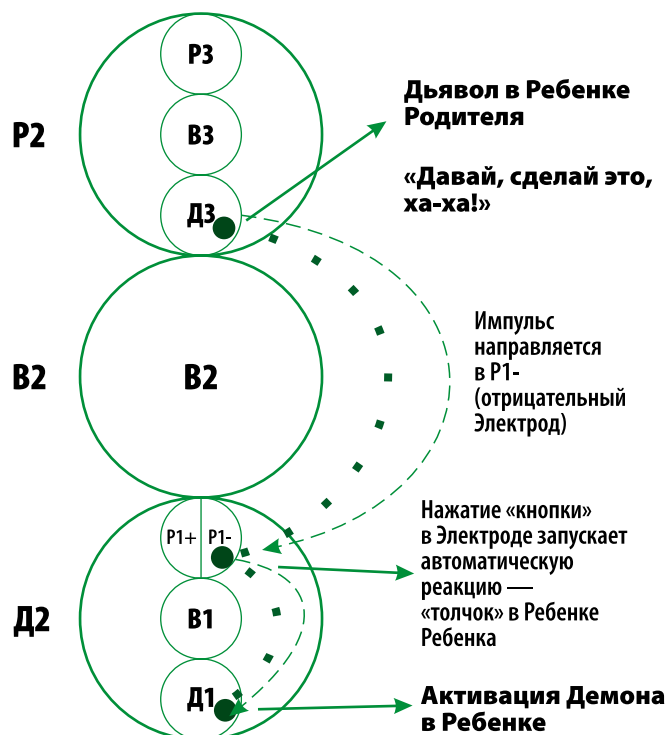

Рисунок 5. Схема диалога Дьявола и Демона в структуре эго-состояний второго порядка (авторская модель)

Лилия Геннадьевна ЛУКЬЯНОВА

Субличность Демон в терапии последствий насилия: влияние травмы на контакт и перенос

В рамках предлагаемой интерпретации Дьявол понимается как энергия, локализуемая в Ребенке Родителя (Садистический Ребенок, ДЗ) — в той части Родителя, которая действует через провокацию, давление и высмеивание. Эта часть побуждает к действию через послания, подобные следующим: «Давай, сделай это», «Не уппусти момент», «Покажи, что ты можешь — ха-ха-ха». Подобные импульсы направляются в Ребенка Родителя в минусе (Р1–) — отрицательный Электрод. В этом месте возникает своеобразный «спусковой механизм»: нажатие «кнопки» в Электроде запускает автоматическую сценарную реакцию — толчок.

Далее через механизм толчка провокация достигает Ребенка в Ребенке (Д1) — той части, которую Берн обозначил Демоном. В ответ на давление из Ребенка возникает импульсивная реакция, сопровождаемая сильным аффектом — чаще всего яростью или отчаянием. Демон активируется и «защищает» Ребенка клиента. Именно эта энергия может приводить к действиям, которые разрушают контакт, отношения или терапевтический процесс, тем самым воспроизводя сценарный исход.

После того как сценарное действие совершается, Дьявол — Ребенок в Родителе (ДЗ) — словно подтверждает ожидаемый результат, символически «торжествуя» и произнося: «Я так и знал». Таким образом, возникает замкнутый цикл: провокация → импульс → разрушительное действие → подтверждение сценария.

С точки зрения предлагаемой модели взаимодействия Дьявола и Демона формирует своеобразный внутренний диалог, который может поддерживать и усиливать сценарную динамику клиента. Важно отметить, что провокация, исходящая из Дьявола, отличается от Критикующего Родителя и инициирует импульс «Сделай это, ха-ха». Дьявол и Демон не являются эго-состояниями, но представляют собой энергию, которая заражает эго-состояние. Поэтому важно удерживать обе динамики: реактивную (Демон) и запускающую (Дьявол), что делает архаичные переживания более доступными для осознания и вербализации в терапии.

Предложенная схема рассматривает активацию Демона как результат взаимодействия провоцирующей родительской и реактивной детской динамик. Подобный подход расширяет понимание сценария и механизмов самосаботажа. С практической точки зрения модель может быть полезна для понимания переносных процессов и терапевтических тупиков, поддерживая устойчивость и ясность позиции терапевта при работе с интенсивными аффектами.

4. Демон как ответ на травму: гипотеза о связи с насилием

Анализ описанной динамики диалога Дьявола и Демона позволяет выдвинуть гипотезу о ее возможной связи с травматическим опытом, в частности с пе-

режитым насилием. Хотя эта связь не может считаться универсальной, она представляется значимой и требует дальнейшего изучения. Можно предположить, что в ситуации насилия ребенок оказывается лишенным возможности открытого сопротивления, вследствие чего агрессия подавляется, но не исчезает. В дальнейшем она может сохраняться в виде внутреннего напряжения и проявляться как Демон.

В рамках предложенной модели Дьявол воспроизводит голос контроля, унижения или давления, интeриоризированный из внешнего опыта. Таким образом, опыт насилия трансформируется во внутренний диалог, где субъект одновременно занимает позиции преследователя и преследуемого.

Подобная динамика сопровождается выраженным эмоциональным истощением: значительная часть психической энергии расходуется на поддержание внутреннего конфликта. Метафорически это состояние можно сравнить с «высасыванием» жизненных сил, что отражает утрату доступа к внутренним ресурсам. С точки зрения транзактного анализа данная динамика может быть соотнесена с тупиком третьей степени, при котором внутренний конфликт становится самоподдерживающимся и блокирует появление новых способов реагирования. Представленная связь рассматривается как рабочая гипотеза, основанная на ограниченном клиническом материале, и требует дальнейшего теоретического и эмпирического уточнения.

5. Работа с Дьяволом и Демоном в психотерапии методом транзактного анализа

В работе с описанной выше динамикой ключевым является ее осознание терапевтом и клиентом — не как «злой части», а как внутриспсихического процесса. Предложенная концепция диалога Дьявола и Демона направлена на уточнение динамики взаимодействия эго-состояний и может служить дополнительным инструментом ее визуализации. Важным условием терапии остается позиция «Я ОК — Ты ОК»: задача терапевта заключается не в подавлении аффектов, а в их осознании и интеграции. В этом процессе терапевт опирается на ЗР: разрешение (поддержка выражения чувств), защита (сдерживание деструктивных импульсов), сила (способность выдерживать интенсивные аффекты и сохранять контакт). Значимую роль играет работа с контрпереносом. В условиях недоверия клиент может воспринимать терапевта как провоцирующую фигуру, что повышает риск активации игр: в особенности «Попался, сукин сын!» — со стороны клиента и «Поймай меня, если сможешь» — со стороны терапевта. В таких ситуациях терапевту важно опираться на собственные переживания и при необходимости

использовать аккуратное самораскрытие, сохраняя профессиональные границы и проясняя клиенту, что терапевт не намерен использовать свои знания об уязвимости клиента против него. Таким образом, работа с Дьяволом и Демоном предполагает не подавление, а осознание и интеграцию этой динамики. Выдвинутая концепция рассматривается как рабочая гипотеза и требует дальнейшего клинического уточнения.

Список литературы

1. Берн Э. Люди, которые играют в игры. — М. : Эксмо, 2018. — 576 с.
2. Вайт Т. Терапия характера. — Киев : Интерсервис, 2018. — 134 с.
3. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное. — М. : АСТ, 2007. — 496 с.
4. Кляйн М. Зависть и благодарность: исследование бессознательных источников. — СПб. : Б.С.К., 1997. — 96 с.
5. Янг Дж., Клоско Дж., Вайсхаар М. Схема-терапия: практическое руководство. — СПб. : Диалектика, 2018. — 464 с.
6. Шварц Р. Терапия внутренних семейных систем. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 2020. — 208 с.
7. Jones E. On the Nightmare. — London : Hogarth Press, 1931. — 374 p.
8. Novellino M. The Demon and Sloppiness: From Berne to Transactional Psychoanalysis // Transactional Analysis Journal. 2010. Vol. 40, no. 3-4. P. 288–294. DOI: 10.1177/036215371004000313.
9. Steiner C. The Pig Parent // Transactional Analysis Journal. 1979. Vol. 9, no. 1. P. 26–37. DOI: 10.1177/036215377900900108.
10. Rowan J. Subpersonalities: The People Inside Us. — London : Routledge, 1990. — 248 p. DOI: 10.4324/9781315754406.